

С. А. КИБАЛЬНИК

ОБ ОДНОМ ФРАНЦУЗСКОМ ИСТОЧНИКЕ
ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ТРЕДИАКОВСКОГО

Эстетические взгляды В. К. Тредиаковского сложились под влиянием французской литературы и эстетики. Особенно интенсивным это влияние было в 1727—1730 гг., когда поэт находился во Франции. «Французский период жизни поэта, — писал П. Н. Берков, — несомненно сыграл определенную роль в его судьбе и вместе с тем в истории русской литературы: ведь Тредиаковский открыл для своего времени французскую жизнь и французскую литературу».¹ Влияние французской культуры отразилось на всем поэтическом, филологическом и переводческом наследии Тредиаковского.

В недавно опубликованной статье И. Ф. Мартынова «Тредиаковский и его читатели-современники» содержится любопытное известие о конволюте, первую часть которого составляет печатный экземпляр первого издания «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского, а вторую — анонимная рукописная риторика без названия на латинском языке.² На внутренней стороне верхней крышки переплета владельческая запись: «Сия книга брегадира Ивана Маслава. Подарена от Академии секретаря господина Тредиаковского в Санктпетербурхе в 1741 году».

Содержание риторики дает веские основания для того, чтобы считать ее сочинением французского автора: примеры на латинском и французском языках представляют собой отрывки из произведений или целые произведения древнеримских и французских писателей, часто упоминаются какая-то академия и академики и приводятся цитаты на французском языке из речей, произнесенных в академии (л. 1, 3, 5, 39 ркл.). Это подтвер-

¹ *Berkov P. N. Des relations littéraires franco-russes entre 1720 et 1730: Trediakovskij et l'abbé Girard.* — *Revue des études slaves*, t. 35, 1958, p. 7.

² *Мартынов И. Ф. Тредиаковский и его читатели-современники.* — В кн.: *Венок Тредиаковскому.* Волгоград, 1976, с. 82.

ждается и данными палеографии: бумага, на которой записан текст риторики, произведена в Париже.³

По манере изложения материала и по характеру записей можно заключить также, что рукопись является конспектом лекционного курса. Естественно предположить, что «*Articulus unicus de rhetoricae definitione*» представляет собой конспект Тредиаковского лекций по риторике, прослушанных им в Париже в промежутке между 1728 и 1730 годами. Но рукопись не является автографом Тредиаковского. Сравнение почерка, которым написана риторика, с почерком писем поэта на французском языке И.-Д. Шумахеру от января 1731 г. дает слишком существенные расхождения, чтобы можно было считать эти тексты написанными одной и той же рукой.

Вполне возможно, впрочем, что Тредиаковский слушал эти лекции или хотя бы некоторые из них, а затем использовал конспект, принадлежавший другому лицу. Во всяком случае содержание риторики с несомненностью обнаруживает факт знакомства Тредиаковского с этими лекциями. Например, комплекс примеров, которыми автор иллюстрирует положения своей риторики, показывает, что она оказала некоторое влияние на литературные симпатии и переводческую практику русского поэта.⁴

Основным источником примеров в риторике служат речи Цицерона. Из других «древних» автор цитирует Вергилия, Сенеку, Ливия, Лукана, Саллюстия. В главе «О чтении» он рекомендует

³ Приводим описание конволюта: БАН, Тек. пост. № 41. Конволют в четверть листа (48+86). Состоит из двух частей: 1) л. 1—48 — печатный экземпляр «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского. СПб., 1735; 2) л. 49—135 — рукопись без названия на латинском языке с примерами на латинском и французском языках, которая начинается с обозначения одного из ее разделов: «*Articulus unicus de rhetoricae definitione et huiusce tractatus divisione*» (Статья особая об определении риторики и здесь же трактат о ее разделении). Скоропись, почерк один. Листы 48, 134, 135 без текста. На титульном листе «Нового и краткого способа» надпись рукой автора: «Тредиаковского». Здесь же, а также на 11-й странице «Способа» печать библиотеки казанских историков литературы М. П. и Н. М. Петровских. Обычный экземпляр первого издания «Способа» меньше по формату, чем рукопись. Поэтому при создании конволюта 2, 3, 4 и 5 листы трактата Тредиаковского были надставлены. Остальные листы, очевидно, были взяты из корректурных листов издания и обрезаны специально для конволюта по формату рукописи. Автограф «Тредиаковского» на титульном листе «Способа» стоит на надставленной части листа. Следовательно, конволют был сделан самим Тредиаковским или по его заказу. Переплет картонный с таким же корешком. Филигрань на бумаге «*Articulus unicus de rhetoricae definitione*» — гербовый щит с изображением двух грифонов и короной наверху. Эта филигрань зафиксирована в «*Watermarks mainly of the 17-th and 18-th centuries*» by E. Heawood (*Hilversum* (Holland), 1950) под номером 714, что дает: Париж, 1728 год.

⁴ Примеры в риторике почти всюду даются без указания на их источник и автора. За помощь в работе по атрибуции примеров выражаю признательность М. В. Разумовской.

читать латинские речи Ювенка и Коссарция,⁵ речи «господ академиков», а также латинские панегирики Плиния Младшего, Сенеки, Паката и Мамертина (л. 39). Интересно, что, собираясь в 1748 г. читать лекции по риторике в Петербургской академической гимназии, Тредиаковский планировал «для экзерциции в латинском стиле... читать и толковать своим слушателям орации и панегирики из латинских историков: Мамертина, Назария, Авзония и Паката. Иногда же вместо их панегириков по Цицероновой орации».⁶ Как и для автора риторики, Цицерон для Тредиаковского был наибольшим авторитетом в области ораторского искусства. «Невозможно не иметь такова об его красноречия мнения, — писал он в «Разговоре об Ортографии», — что бог нарочно восхотел и благоволил поставить в Цицероне меру человеческого красноречия...»⁷

Из «новых» в риторике часто цитируются речь Э. Флешье на смерть Тюренна,⁸ речь на смерть принца Конде. Упоминаются несколько раз со всевозможными похвалами и цитируются «Приключения Телемака» Фенелона, целиком приводится сонет второстепенного французского поэта XVII века Ж.-В. Барро «Grand Dieu! que tes jugemens sont remplis d'équité», неоднократно цитируются «Поэтическое искусство» и сатиры Буало, «Энеида» в переводе Ж. Сегре. В экземплярный фонд риторики входят также произведения Пьера и Тома Корнеля, Расина. Из теоретических руководств автор ссылается на Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана. Приводятся в риторике и цитаты из христианской литературы: Евангелия, Иоанна Златоуста, Иеронима, Тертуллиана, Киприана, Августина.

Таким образом, многие примеры представляют собой произведения или отрывки из произведений, которые впоследствии Тредиаковский перевел на русский язык. Это «Поэтическое искусство» Буало, «Приключения Телемака» Фенелона и сонет Ж.-В. Барро (в переводе Тредиаковского «Боже мой! твои судьбы правости суть полны»). Большинство же других примеров взяты из авторов, которые в представлении Тредиаковского занимали самое высокое место в иерархии писателей.

В «Эпистоле от Российския поэзии к Аполлину» Тредиаковский восхваляет Вергилия, Сенеку, Расина, обоих Корнелей, Буало. Знал и высоко ценил переводчик «Древней истории» и «Римской Истории» сочинения Плиния Младшего, Ливия, Лу-

⁵ Имеются в виду, очевидно, «Речи и оды» французского иезуита Габриэля Коссара, профессора риторики в Коллеж де Клермон (*Cossart G. Orationes et carmina*. Paris, 1675).

⁶ *Лекарский П. П.* История Академии наук в Петербурге. СПб., 1873, т. 2, с. 124—125.

⁷ *Тредиаковский В. К.* Разговор между Чужестранным человеком и Российским об Ортографии старинной и новой. СПб., 1748, с. 176.

⁸ Ср. л. 4, 17 об. рукописи и *Fléchet E.* Recueil des Oraisons funèbres. Paris, 1788, p. 87.

кана, Саллюстия и патристику. Высоко оценивал Тредиаковский перевод Сегре «Энеиды». Похвалы многим другим цитируемым в риторике авторам разбросаны по всем произведениям Тредиаковского.⁹

По составу «*Articulus unicus de rhetoricae definitione*» представляет собой риторику обычного типа. Она состоит из пяти традиционных частей риторики: книга I — «Об украшении», книга II — «Об изобретении», книга III — «О расположении и порядке речи», книга IV — «О памяти», книга V — «О действиях оратора, то есть о голосе и жесте». Автор ориентируется прежде всего на дворянское сословие. Обычна формула: «Молодой дворянин должен...» (л. 3). Часто в риторике пренебрежительно говорится о плебейх, часты насмешливые замечания о языке улицы и рынка. Через весь курс проходит мысль о делении речи «на обыкновенную, коей народ в повседневной речи пользуется... без мысли, без искусства, без убранства» и «украшенную, которая обладает красотой, стройностью и достоинством, что достигается искусством, соразмерностью периодов и блеском фигур...» (л. 2).

Существенно для автора понятие меры: «Следует остерегаться, чтобы метафора не стремилась стать длиннее, чтобы сравнение не было слишком далеким, чтобы не чрезмерно возвышенна или снижена была речь» (л. 9). Рекомендую такие фигуры, как аллюзия и градация, автор предостерегает, чтобы смех не оказался пошлым, подобным уличным шуткам (л. 13, 14). Выше всего он ставит латинских и французских поэтов: «Французские имеют больше блеска, латинские — больше силы и, возможно, составлены более ярким языком» (л. 32).

В творчестве Тредиаковского можно обнаружить некоторые эстетические идеи и представления, чрезвычайно созвучные этим лекциям. Так, в «Речи к членам Российского собрания» Тредиаковский призывал равняться на язык «знатнейшего и искуснейшего» дворянства: «Украстит оной в нас двор ея величества, в слове науचितвейший и богатством наивеликолепнейший. Научат нас искусно им говорить благоразумнейшие ея министры и премудрейшие священноначальники... Научит нас и знатнейшее и искуснейшее дворянство».¹⁰

Речь дворянства привлекала Тредиаковского именно как речь украшенная, искусная: «С умом ли общим употреблением называть, какое имеют деревенские мужики, хотя их и больше, нежели какое цветет у тех, которые лучшую силу знают в языке? Ибо годится ль перенимать речи у сапожника или у ямщика? А однако все сии люди тем же говорят языком, что и знающие

⁹ См.: там же, с. 187, 579; Тредиаковский В. К. Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве. СПб., 1745, с. 49.

¹⁰ Тредиаковский В. К. Речь к членам Российского собрания. СПб., 1735, с. 13.

(то есть которые или хорошее имеют воспитание, или при дворе обращаются, или от знатных рождены, или в науках и в чтении книг с успехом упражнялись), но не толь исправным способом, природным языку, коль искусные. Первые говорят так, как они для нужды могут, но другие, как должно и с рассуждением».¹¹

Тредиаковский резко выступал против «площадных», «рыночных» и «подлых речений»,¹² «подлого употребления», против «нестройной и безрассудной черни».¹³ Совпадение некоторых идей, представленных в филологических трудах Тредиаковского, с эстетическим направлением «Articulus unicus de rhetoricae de finitione» достаточно ярко, на мой взгляд, для того, чтобы сделать вывод об определенном влиянии риторики неизвестного французского автора на эстетические взгляды русского поэта. Разумеется, в становлении этих идей в творческом сознании Тредиаковского участвовали и многие другие обстоятельства его эстетического развития, но среди других факторов следует иметь в виду и этот.

Можно заметить, что совпадения, отмеченные выше, относятся не к французскому периоду творчества Тредиаковского, а к несколько более позднему времени. Судя по характеру его сочинений, написанных во Франции, эстетическая позиция, представленная в риторике, не могла быть близка ему в этот период. Тредиаковский находился тогда под сильным влиянием французской поэзии стиля «регентства» и, по меткой характеристике Л. В. Пумпянского, «примыкал к той культуре литературной „мелочи“, которая была знаком распада „великого вкуса“ XVII века».¹⁴ Существенные расхождения с эстетическим направлением риторики имеет также и перевод романа П. Тальмана «Езда в остров Любви», осуществленный Тредиаковским «простым русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим». Феномен этот может быть объяснен тем, что Тредиаковский не слушал рассматриваемых здесь лекций, а лишь изучал их позднее по чьим-то записям. Впрочем, возможно, что дело здесь в каких-то других, индивидуальных особенностях его эстетического развития.

Так или иначе интерес и, по всей видимости, глубокое изучение Тредиаковским этой риторики несомненны. И они могут быть объяснены прежде всего исходя из того, что теоретическая и практическая риторика занимали весьма существенное место в его литературной деятельности. В 1745 году он, первый из рус-

¹¹ Тредиаковский В. К. Разговор об Орфографии, с. 315.

¹² Тредиаковский В. К. Предыяснение об иронической пиме. — В кн.: Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков. 2-е изд. М., 1938, с. 89.

¹³ Тредиаковский В. К. Разговор об Орфографии, с. 325.

¹⁴ Пумпянский Л. В. Тредиаковский. — В кн.: История русской литературы. М.—Л., 1941, т. 3, с. 217—218.

ских в Академии, стал профессором латинской и российской элоквенции.¹⁵ В течение некоторого времени — с 11 июля 1748 г. по 23 февраля 1749 г. — Тредиаковский читал лекции по элоквенции в академической гимназии.¹⁶ В планы его входило и составление руководства по риторике.¹⁷ Добрую треть оригинального литературного наследия Тредиаковского составляют произведения, написанные в ораторских жанрах: речи, слова, рассуждения.

Риторика была для него универсальной наукой. В «Слове о витийстве», этой своеобразной «Риторике» Тредиаковского, он писал о том, что все науки и искусства есть не что иное, как «Царица Элоквенция, на разных и разным образом престолах сидящая и лучами величества своего повсюду сияющая».¹⁸ Даже Поэзия, эта «живопись словесная», есть не что иное, «как токмо сама Элоквенция, в другую одежду наряженная, на другом месте посаженная, другою честью возвеличенная, другим способом обогащенная».¹⁹

Впрочем, вполне возможно, что причина столь пристального внимания Тредиаковского к этой риторике коренится в имени ее составителя. Чьи же лекции слушал или изучал по записям Тредиаковский? В сочинениях его трудно обнаружить ссылки на какие-либо французские наставления по риторике. Такой ссылкой можно было бы считать следующее место из «Речи о чистоте Российского языка»: «Что же еще страшит нас? Риторика? Помогут нам в ней премногие творцы греческие и римские, а наипаче хитрый и сладкий в слове Марк Туллий Цицерон. Помогут французские Балзаки, Костарды, Патрю и прочие бесчисленные».²⁰ Но речь здесь идет не о теоретической риторике, а об ораторском искусстве (см. ниже ссылку на «слова» и «речи» «Главного нашего Командира» — барона Корфа), и поэтому Тредиаковский ссылается не на теоретиков ораторского искусства, а на прозаиков XVII в. Ж. Л. Гез де Бальзака, П. Костара и О. Патрю.²¹

Пожалуй, единственным указанием на возможного автора «*Articulus unicus de rhetoricae definitione*» является следующее свидетельство о Тредиаковском Г.-Ф. Миллера: «Он очень также хвалился, что в Парижском университете был слушателем зна-

¹⁵ Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге, т. 2, с. 101.

¹⁶ Там же, с. 123.

¹⁷ Тредиаковский В. К. Речь о чистоте Российского языка. — Сочинения и переводы. СПб., 1752, т. 2, с. 10.

¹⁸ Тредиаковский В. К. Слово о витийстве, с. 39.

¹⁹ Там же, с. 41.

²⁰ Тредиаковский В. К. Речь о чистоте Российского языка, с. 17.

²¹ Впрочем, возможно, здесь имеется в виду также и сочинение Ж. Л. Гез де Бальзака, адресованное П. Костару «Парафраз или о великом красноречии» (*Balzac J. L. Paraphrase ou de la grande éloquence. A Monsier Costar. Discours sixième. — Oeuvres diverses. Paris, 1658, p. 121—147*).

менитого Роллена».²² О том, что Тредиаковский «красноречию и истории учился у славного Роллена», сообщает в своем словаре и Н. И. Новиков.²³ Л. В. Пумпянский сомневался в этом, ссылаясь на то, что в годы пребывания Тредиаковского во Франции Роллен уже не преподавал в Парижском университете.²⁴ Действительно, к этому времени за склонность к ясенизму Роллен был принужден оставить университет.²⁵ Но Тредиаковский мог слушать его и не в университете. Рассказ его, известный нам по передаче Миллера, в этом случае является не ложным, а только неточным, если неточности не допускает сам Миллер.

Слава Роллена в годы пребывания Тредиаковского в Париже гремела по всей Франции, так как в 1726—1728 гг. вышел его быстро ставший знаменитым «Трактат об образовании», и Тредиаковский, можно полагать, испытывал желание послушать у знаменитого профессора элоквенции риторику, эту «царицу наук». Такая возможность у него была: Роллен в эти годы преподавал риторику в Коллеж де Франс (тогда *College Royal de France*), который был открытым учебным заведением.²⁶ Рукопись «*Articulus unicus de rhetoricae definitione*» является, по видимому, записью именно коллежских лекций. Изложение риторики в ней имеет несколько упрощенный, школьный характер. По словам самого автора, она предназначена «для начинающих» (*Rhetorica tyrosinium* — л. 2). Предположение о том, что Тредиаковский слушал в Париже лекции Роллена, хорошо согласуется также и с тем глубоким поклонением, с которым он относился к последнему на протяжении всей своей жизни.

Тредиаковский переводил сочинения Роллена в течение тридцати лет и перевел двадцать шесть томов его «Древней» и «Римской истории», а также четырехтомную «Историю римских императоров», написанную учеником Роллена Ж.-Б. Кревье. В своих оригинальных сочинениях Тредиаковский много цитировал и восхвалял Роллена. В предуведомлении к первому тому перевода «Римской истории» он демонстрирует великолепное знание биографии Роллена: называет его учителя, характеризует окружение, приводит мнения о нем знатнейших людей Франции. «Шарль Роллен есть другой Демостен по греческому, а Цицерон другой по латинскому языку»,²⁷ — пишет Тредиа-

²² Цитата в переводе с немецкого по кн.: Материалы для истории Академии наук. История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжением И. Г. Штриттера (1725—1743). СПб., 1890, т. 6, с. 172.

²³ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, с. 217.

²⁴ Пумпянский Л. В. Тредиаковский, с. 217.

²⁵ См.: Rivarol O. Discours sur la vie et les ouvrages de Rollin. Paris, 1819; Первов П. Очерк жизни Роллена. — В кн.: Роллен III. Трактат об образовании. М., 1908.

²⁶ См. о нем: Lefranc A. Histoire du Collège de France. Paris, 1893.

²⁷ Роллен III. Римская история от создания Рима до битвы Актийския. то есть по окончание Республики... Пер. с французского. СПб., 1761, т. I, с. 11.

ковский. В предуведомлении к восьмому тому «Римской истории» он помещает «Похвалу Роллену» Клода де Боза в собственном переводе.²⁸

Естественно предположить, что за этим постоянным и глубоким поклонением стоит нечто большее, чем заочное восхищение: личное знакомство или отношение бывшего студента к своему профессору, например, а возможно даже и отношение ученика к своему учителю. Это предположение становится особенно вероятным вследствие того, что третья книга «Трактата об образовании» Роллена «О риторике», изданная в 1726 году,²⁹ обнаруживает некоторые совпадения с «*Articulus unicus de rhetorica definitione*».

Как и в лекциях, у Роллена большинство примеров приводится из речей Цицерона. Особые главы в «Трактате» посвящены Титу Ливию, Сенеке, Иоанну Златоусту, Киприану, Августину, то есть авторам, которые широко цитируются и в риторике. В лекциях неоднократно приводятся цитаты из Евангелия — у Роллена глава третьего раздела «О трех родах красноречия» посвящена красноречию Писания. Из других авторов Роллен цитирует Вергилия, Плиния Младшего, Саллюстия, Фенелона, Расина, Пьера и Тома Корнеля, речи членов Французской Академии,³⁰ словом, всех тех писателей, примеры из которых приводятся и в риторике.

Широко цитируются и анализируются в трактате надгробные речи Ж.-Б. Боссюэ и Э. Флешье на смерть Тюренна.³¹ Это совпадение особенно показательно: ораторская культура Франции XVII века насчитывает десяток имен не меньшего значения, чем Э. Флешье, поэтому вряд ли является простой случайностью то, что из его довольно объемистого сборника надгробных речей³² и Ролленом, и автором риторики в качестве примера избирается одна и та же.

В обоих сочинениях почти исключительно цитируются лишь латинские и французские авторы. В первой книге трактата Роллена — «О греческом языке» — приводятся цитаты из древнегреческой литературы, но большей частью по-латыни. И в риторике, и в трактате встречается специфическое для Роллена разделение книг на главы, а глав на статьи (*articles* — у Роллена, *articuli* — в лекциях). В других французских риториках

²⁸ См. оригинал: *de Boze C. Eloge de Rollin*. — Dans: *Niceron J.-P. Mémoires pour servir à l'histoire des hommes illustres dans la république des lettres*, t. XLIII. Paris, 1745, p. 217—239.

²⁹ *Rollin Ch. De la manière d'enseigner et d'étudier les belles-lettres par rapport à l'esprit et au coeur*, t. 2. Livre 3. De la Rhétorique. Paris, 1726.

³⁰ Сам Ш. Роллен был членом Академии изящной словесности и надписей.

³¹ См. вторую — «О композиции» — и третью — «О чтении и объяснении авторов» главы книги «О риторике».

³² *Recueil des oraisons funèbres prononcées par F. Fléchier. Nouvelle édition. Paris, 1705, p. 385.*

того времени это разделение не встречается.³³ Правда, его можно найти в риториках более позднего времени,³⁴ но там оно, возможно, появилось не без влияния трудов Роллена и в этом случае может рассматриваться как еще одно свидетельство их популярности. Кроме того, сходны до некоторой степени и эстетические позиции авторов. Роллен, как и автор риторики, выступает против грубости, дурного вкуса и, с другой стороны, кудрявости.³⁵ По словам Тредиаковского, Роллен природною простотою уврачевал французское красноречие, смертельно уязвленное кудреватым витийством.³⁶

Прямых совпадений между этими двумя текстами очень мало: лишь некоторые примеры. Но это и естественно, поскольку они существенно различаются между собой по теме, предназначению, статусу (с одной стороны, устные лекции, с другой — подготовленная к печати работа), языку и, немного, по времени создания. Совпадения же в содержании и структуре текстов позволяют, на мой взгляд, предполагать, что «*Articulus unicus...*» является записью тех самых лекций Роллена, о знакомстве с которыми, по свидетельству Миллера, упоминал Тредиаковский.

Л. В. Пумпянский писал о «Трактате об образовании» Роллена, что «эта книга... оказала большое влияние на Тредиаковского и, собственно, образовала его литературные взгляды».³⁷ Действительно, несмотря на известную самостоятельность и оригинальность эстетических представлений Тредиаковского, в них совершенно отчетливо чувствуется общее ориентирующее влияние ролленовской дидактической эстетики. Если наше предположение верно, то воздействие «*Articulus unicus...*» на эстетические взгляды Тредиаковского является проявлением этого же влияния.

О французском периоде жизни Тредиаковского мы знаем очень мало. Известно, что в Париж он прибыл «во окончании 1727 года».³⁸ О своих занятиях в Парижском университете сам Тредиаковский писал так: «В Университете при щедром благодетелей моих содержании обучался математическим и философским наукам, а богословским также в Сорбоне».³⁹

³³ См., например: *Bary R. La Rhétorique française.* Paris, 1653; *Gibert B. De la véritable éloquence ou refutation des paradoxes sur l'éloquence.* Paris, 1703; *Morinière C. De la science qui est en dieu. Avec une lettre sur l'étude et l'usage de la Rhétorique.* Paris, 1718; *Buffier C. Traités philosophique et pratique de l'éloquence, t. I—II.* Sixième édition. Paris, 1734.

³⁴ См.: *Gibert B. La rhétorique ou les règles de l'éloquence.* Paris, 1742; *Crevier J.-B. Rhétorique française.* Paris, 1765.

³⁵ См. главу 3, § 6 «Об Ораторских Предосторожностях».

³⁶ *Роллен Ш. Римская история, т. 1.*

³⁷ *Пумпянский Л. В. Тредиаковский, с. 251.*

³⁸ *Чистович И. А. Заметка о В. К. Тредиаковском.* — ИОРЯС, 1859, т. 8, вып. 2, стб. 157.

³⁹ *Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге, т. 2, с. 8.* В науке укоренилась традиция говорить об обучении Тредиаковского

Сложность изучения французского периода биографии Тредиаковского заключается в крайней скудости документальных материалов. «Едва ли можно надеяться, — писал П. Н. Берков, — сделать какое-нибудь значительное открытие в советских архивах, которое прольет нам свет на годы, которые Тредиаковский провел в Париже: личные архивы писателя исчезли в результате двух пожаров, опустошивших его дом; едва ли можно рассчитывать больше на работу в государственных архивах, так как поэт отправился за границу по собственной инициативе и не считался посланным официально. Возможно, существуют какие-то данные в архивах Сорбонны, но только в том случае, если он числился студентом, а не был просто вольнослушателем».⁴⁰

В этой ситуации П. Н. Берков предложил другой метод изучения французского периода биографии Тредиаковского — гипотетический,⁴¹ и его работа «О французско-русских литературных отношениях 1720—1730 гг. Тредиаковский и аббат Жирар» была хорошим доказательством определенной его эффективности. В этом смысле «*Articulus unicus de rhetoricae definitione*» также представляет интерес, так как дает основания для некоторых гипотез относительно деятельности Тредиаковского во Франции.

С собственных слов поэта нам известно, что в Париже он «содержал публичные диспуты в Мазаринской коллегии»⁴²⁻⁴³ (Коллеге Мазарини, — *С. К.*). В то время в Коллеге Мазарини элоквенцию преподавал другой знаменитый теоретик ораторского искусства, автор множества известных трудов по риторике Бальтазар Жибер. Жибер был ярким противником Роллена. В своих сочинениях,⁴⁴ а также в ответе на публичное письмо Роллена⁴⁵ он обвинял последнего в нарушении предписаний аристотелевской «Поэтики» и в отходе от античных образцов. Полемика Жиберы с Ролленом получила самый широкий резонанс в литературных кругах Франции. Поэтому диспуты Тредиаковского в Коллеге Мазарини, вполне возможно, были посвящены этой полемике или по крайней мере затрагивали ее.

в Парижском университете как об обучении в Сорбонне (см., например: *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский, с. 217; *Тимофеев Л. И.* Василий Кириллович Тредиаковский. — В кн.: *Тредиаковский В. К.* Избр. произв. М.; Л., 1963, с. 5. Но Сорбонной во времена Тредиаковского называли лишь теологический факультет Парижского университета. Тредиаковский же, по его собственному свидетельству, приведенному выше, обучался как в Сорбонне, так и на других факультетах.

⁴⁰ *Berkov P. N.* Des relations littéraires franco-russes... , p. 7.

⁴¹ *Ibid.*, p. 8.

⁴²⁻⁴³ *Пекарский П. П.* История Академии наук в Петербурге, т. 2, с. 8.

⁴⁴ *Observations adressées à M. Rollin sur son traité De la manière d'enseigner et d'étudier les belles-lettres.* Paris, 1727; Terense, Cicéron, César, Salluste, etc., justifiés contre la censure de M. Rollin, avec des remarques sur son traité De la manière d'enseigner, t. I—III. Paris, 1728.

⁴⁵ *Réponse à la lettre de M. Rollin.* Paris, 1727.